

DOI: 10.20913/2618-7515-2022-1-5

УДК 378.4

Оригинальная научная статья

Формирование идентичности современного университета в логике неинституциональной концепции Д. Норта

Е. В. Никитенко

*Новосибирский государственный технический университет
Новосибирск, Российская Федерация
e-mail: niken@list.ru*

Аннотация. *Введение.* Изменение общей концепции развития университета в России в контексте модели университета 3.0 позволило рассматривать вуз в качестве самостоятельного экономического агента на рынке. Это дало возможность применить неинституциональный подход Д. Норта. *Постановка задачи.* Процесс формирования новой идентичности высшей школы детерминирован происходящими институциональными обновлениями. Статья посвящена выявлению и анализу условий, способствующих формированию новой идентичности университета в логике неинституциональной концепции Д. Норта. *Методика и методология исследования.* Обращение к неинституциональному подходу возникло в связи с необходимостью проследить и оценить те изменения, которые произошли и будут происходить с университетом в контексте взаимодействия с обществом, государством и бизнесом, а также определить ту совокупность условий, которая будет способствовать формированию новой идентичности университета. В качестве методологических концептов теории Д. Норта рассматривались понятия формальных и неформальных ограничений, которые определяют возможные институциональные изменения. *Результаты.* Важным условием функционирования института является совокупность формальных и неформальных установок, к которым соответственно относим законы/кодексы, с одной стороны, традиции и обычаи – с другой. Эти понятия тесно связаны с понятиями идеологии и рынка, которые также оказывают влияние на изменения системы ограничений. Согласно Д. Норту, институциональные изменения возможны при обновлении формальных и неформальных рамок. В статье показано, что при формальных изменениях, привносимых сверху, все еще сохраняется образ классического университета как социального института, рынок также не готов воспринимать вуз в качестве самостоятельного экономического агента, как одного из стейкхолдеров предпринимательской и инновационной деятельности. *Выводы.* Очевидной становится проблема противоречия между предпочтениями субъектов образовательной, предпринимательской и инновационной деятельности. Серьезными сдерживающими факторами выступают отсутствие нормативно-правовой базы, объясняющей механизм взаимодействия частного бизнеса и государства, сохранение образа классического университета, отсутствие системности и последовательности институциональных изменений.

Ключевые слова: университет, неинституционализм, предпринимательский университет, институциональные изменения, идентичность университета

Для цитирования: *Никитенко Е. В.* Формирование идентичности современного университета в логике неинституциональной концепции Д. Норта // Профессиональное образование в современном мире. 2022. Т. 12, № 1. С. 37–45. DOI: <https://doi.org/10.20913/2618-7515-2022-1-5>

DOI: 10.20913/2618-7515-2022-1-5
Full Article

Formation of the identity of a modern university in the logic of the neo-institutional concept of D. Nort

Nikitenko, E. V.

*Novosibirsk State Technical University
Novosibirsk, Russian Federation
e-mail: niken@list.ru*

Abstract. *Introduction.* The change in the general concept of university development in Russia in the context of the University 3.0 model allowed us to consider the university as an independent economic agent on the market. This allowed to apply neo-institutional approach of Douglass C. North. *Purpose setting.* The process of shaping a new identity of higher education is determined by the ongoing institutional renewal. The article is devoted to identifying and analyzing the conditions that determine the formation of a new university identity in the logic of D. North's neo-institutional concept. *Methodology of the study.* The appeal to the neo-institutional approach arose in connection with the need to trace and assess the changes that have occurred and will occur to the university in the context of interaction with society, government and business, as well as to identify the set of conditions that will contribute to the formation of a new identity of the university. The concepts of formal and informal constraints, which determine the possible institutional changes, were considered as methodological concepts of D. North's theory. *Results.* An important condition for the functioning of an institution is a set of formal and informal attitudes, to which we respectively refer laws/codes, on the one hand, traditions and customs on the other. These concepts are closely related to the concepts of ideology and the market, which also influence changes in the system of restrictions. According to D. North, institutional changes are possible when formal and informal frameworks are updated. The article shows that with formal changes brought from above, the image of classical university as a social institution is still preserved, the market is also not ready to perceive the university as an independent economic agent, as one of the stakeholders of entrepreneurial and innovative activity. *Conclusions.* The problem of contradiction between the preferences of subjects of educational, entrepreneurial and innovative activity becomes obvious. Serious restraining factors are the absence of regulatory framework explaining the mechanism of interaction between private business and the state, the preservation of the image of a classical university, the lack of coherence and consistency of institutional changes.

Keywords: university, neoinstitutionalism, entrepreneurial university, institutional changes, identity of the university

Citation: Nikitenko, E. V. [Formation of the identity of a modern university in the logic of the neo-institutional concept of D. Nort]. *Professional education in the modern world*, 2022, vol. 12, no. 1, pp. 37–45. DOI: <https://doi.org/10.20913/2618-7515-2022-1-5>

Введение. Процесс формирования новой институциональной идентичности университета, содержанием которой становится идея предпринимательского университета, университета 3.0 сопутствует трансформации системы высшего образования сегодня. Деятельность современного университета ориентирована на удовлетворение потребности социально-экономического развития региона и страны. Вуз перестает быть исключительно образовательной организацией, становится инновационной площадкой, призванной создавать коммерческий продукт, новые отрасли производства (согласно концепции Й. Виссемс), выступает одним из ключевых субъектов построения экономики знаний, претендует на статус экономического агента на рынке, чья деятельность

ориентирована на потребности современного рынка услуг и капитала, что заставляет учитывать интересы этого сектора экономики. Государство, опираясь на правовые рычаги, определяет свои приоритеты перед университетом. Наконец, еще одна тенденция, которая была зафиксирована американскими исследователями Голденом Торпом и Баком Голдштейном, связана с подходом студентов к образованию с точки зрения получения результата, а не процесса получения новых знаний [1]. Как Г. Торп, Б. Голдштейн, так и Бертон Кларк указывают на неуместность традиционных подходов в условиях современных вызовов [2]. Множественность задач, которые поставлены перед университетом, говорит о назревшей потребности в изменениях с точки зрения целеполагания,

организации деятельности вуза. Изменения, которые происходят и будут происходить с университетом, очевидны. Однако необходимо понимать, что будет способствовать, а что тормозить процесс формирования новой идентичности.

Анализ формирования новой идентичности современных университетов обусловлен самой природой институциональной идентичности. Установлено, что идентичность обладает институциональным содержанием, поскольку идентификационное позиционирование невозможно в отрыве от правил поведения, но выбор оптимальных правил из множества в условиях неопределенности является когнитивно сложным и затратным [3]. Безусловно, любые институциональные изменения требуют времени, однако важно понимать саму природу этих изменений. Так, опираясь на работу Б. Чарнявски, К. Генелль, выделим ряд вопросов, которые можно применить к анализу процесса трансформации российских университетов. Одним из них становится вопрос, позволяющий увидеть специфику институциональных обновлений, о том, действительно ли происходит формирование новой организационной идентичности или процесс трансформации университета есть пример изоморфизма?

Согласно Б. Чарнявски и К. Генелль, изоморфизм как процесс имитации организационных форм имеет три типа: силовой («*coercive*»), вызванный внешним воздействием, нормативный («*normative*») – результат общих норм, мимитический («*mimetic*») или подражающий [4]. Примером мимитического изоморфизма выступает опыт трансформации польских университетов 1990-х гг., о котором говорят исследователи и приходят к выводу, что мимитический изоморфизм проявляет себя в ситуациях двусмысленности, то есть когда люди в организации не уверены в своих целях и приходится искать выход, подражая другим организациям подобного рода. В этом случае происходит заимствование опыта желательных моделей, а на практике моделей университетов западных стран.

Аналогичные процессы наблюдаются в России. Также актуальным в российской практике формирования новой модели университета становится вопрос, сформулированный зарубежными исследователями: происходит ли изменение идентичности университета или речь идет лишь о модернизации имиджа университета [4, р. 469]? Следуя формальным институциональным изменениям по пути изоморфизма в одной из форм его проявления, университет продуцирует новые правила, но не «производит знание», позволяющее отвечать внешним вызовам. Мы не будем останавливаться на проблеме изоморфизма организационной структуры университета или модернизации имиджа, однако установим зависимость между необходимостью институциональных обновлений и принятием

новой идентичности современного университета. Возникающие вопросы позволяют нам понять, с одной стороны, насколько требования к университету сегодня диверсифицированы, а с другой – обладает ли университет потенциальными возможностями, чтобы эти запросы удовлетворить, не говоря уже об их принятии в качестве новой идентичности.

Постановка задачи. В основе заявленной проблемы лежат вопросы новой инновационной и социальной миссии университета, которые широко представлены в зарубежных исследованиях [5–8], и активно продвигаются в российской науке [9–12]. В России наиболее известными и получившими отклик исследованиями трансформации современных университетов стали работы Б. Кларка [13], обобщившего опыт развития предпринимательских университетов, и Й. Виссемы (Университет 3.0) [14]. Западные ученые по-разному трактуют задачи, которые стоят перед университетом. Согласно концепции Б. Кларка вуз в сущности является одним из элементов кластерной модели развития региона/территории, тогда как Й. Виссема подчеркивает роль университета как ядра регионального развития, современного экономического роста, призванного решать социально-экономические проблемы.

Работы отечественных исследователей преимущественно сосредоточены на анализе условий, возможностей, которыми обладает и/или должен обладать университет, чтобы в условиях российской действительности стать университетом 3.0; того, каким образом университет как социальный институт может себя реализовать в контексте новой «миссии».

Оценка неинституционального подхода широко изучена за рубежом и в России [15; 16]. Так, Н. М. Тюкавин с отсылкой к Д. Нортю выделяет два общих положения в качестве теоретико-методологических особенностей неинституционализма: значимость социальных институтов в экономике; применение для анализа других наук стандартных механизмов и инструментов экономической теории [16].

Отдельного внимания заслуживают исследования, посвященные применению неинституционального подхода к анализу вопросов высшего образования. Здесь можно выделить несколько ключевых проблем, обсуждаемых исследователями: проблема качества образования [17], изучения инструментов государственного менеджизма в повышении эффективности высшего образования [18; 19].

Так, опираясь на методологию Л. Тевено, Н. Флигстина, К. В. Павленко предлагает в оценке качества образования применять несколько моделей: профессиональную модель, индустриальный порядок оценки, рыночную модель качества

образования. Автор отмечает, что модели могут дополнять, а также конфликтовать не только друг с другом, но и внутри сталкиваясь с различного рода противоречиями [17]. Вне зависимости от модели источниками критериев оценки качества образования выступают гражданское общество, интерес потребителя (рынок), профессиональное сообщество, общепринятые стандарты и нормативы.

Отдельно следует рассмотреть работу А. О. Карпова, указывающего на гетерогенность познавательного отношения и разрывы в институциональной культуре, вызванные подчинением образования экономическим нуждам общества. Это, по мнению автора, становится его главными структурирующими факторами. Социально артикулированная значимость отдельных образовательных локусов ведет к формированию парадигмально-дифференцированной системы образования [20].

Цели нашей статьи – выявление и анализ условий формирования идентичности современного университета в логике неинституциональной концепции Д. Норта.

Методика и методология исследования.

Для нас обращение к неинституциональному подходу важно в связи с необходимостью проследить и оценить изменения, которые произошли и будут происходить с университетом в контексте взаимодействия с обществом, государством и бизнесом, а также определить совокупность условий, которая будет способствовать формированию новой идентичности университета.

Неинституционализм – парадигма, которая в равной степени выделяет наряду с материальными факторами нематериальные (идеология, ценности, традиции), определяющие социально-экономическое развитие общества. Подход отвечает пониманию «третьей миссии» университета, которая, например, видится в необходимости рассматривать ее не только в контексте инновационного предпринимательства, но и как любую некоммерческую деятельность, направленную на благо общества [9, с. 69]. В любом случае процесс формирования новой идентичности высшей школы детерминирован происходящими институциональными обновлениями. В связи с этим возникает вопрос о том, что лежит в основе возможных институциональных изменений как основы формирования новой идентичности университета?

Анализ института как формы ограничений, структурирующих повседневную жизнь, и принципов институциональных изменений представлен в работе американского экономиста, лауреата Нобелевской премии Д. Норта. Неинституционализм – направление экономической мысли, возникшей в конце 1960-х – начале 1970-х гг., предметом исследования которого стала институциональная структура производства.

Неинституционализм исходит из посылок о том, что социальные институты имеют значение и поддаются анализу с помощью понятий и методов, выработанных экономической наукой.

Д. Норт вводит такие понятия, как формальные и неформальные ограничения, влияние идеологии и рынка на изменение системы ограничений, которые мы рассматриваем в качестве методологических концептов к анализу этой проблемы [22].

Результаты. Исходной является идея Д. Норта о том, что институты – это своего рода ограничители, которые бывают формальными и неформальными. К формальным ограничениям относятся правила, созданные людьми (законы, правовые нормы, конвенции и пр.), к неформальным – общепринятые условности (обычаи, традиции) и негласные кодексы поведения [22, с. 18].

Институциональные ограничения устанавливают индивидам запрет на совершение определенных действий, как и указывают на возможность осуществления этих действий. Очевидно, что институты создают определенные рамки, в пределах которых происходит социальное взаимодействие индивидов и иных социальных субъектов. Согласно Д. Норту, важным механизмом функционирования института выступает совокупность формальных правил и условных кодексов поведения. Характер деятельности институтов зависит от соотношения формальных и неформальных механизмов функционирования и предпочтений, которые отдаются каждому из них. Система предпочтений лежит в основе деятельности различных социальных агентов, которые зачастую носят противоречивый характер.

Д. Норт разводит понятия институтов и организаций, последние действуют подобно институтам, структурируя взаимоотношения между людьми. Организация – это группа людей, объединенных стремлением сообща достичь какой-либо цели [22, с. 20]. Университеты, школы и иные образовательные учреждения есть организации. Институциональные рамки выступают в качестве факторов, обуславливающих деятельность организаций, их возникновение и развитие. В свою очередь организации влияют на изменение институциональных рамок, способны индуцировать институциональные изменения [22, с. 97]. Институциональные изменения же возможны при обновлении формальных и неформальных рамок. Но процесс этот имеет инкрементный характер. Трансформация протекает посредством постепенного изменения рамок, при взаимодействии меняющихся формальных и неформальных ограничений. Конечно, согласно Д. Норту, существуют и дискретные изменения, представляющие собой радикальный путь изменений в результате революций и иных коренных переломов. Вместе с тем институциональные изменения в первом случае возможны

при условии взаимного пересмотра характера имеющихся отношений. Автор подчеркивает, что тогда, когда в изменении формальных правил заинтересованы достаточно влиятельные группы, возможно существенное изменение формальной институциональной системы [22, с. 93]. При этом формальные и неформальные ограничения сопряжены с двумя факторами: идеологическим и рыночным. В последнем случае речь идет о емкости рынка, способности воспринимать изменения, которые продуцируются.

Последние 10–15 лет высшая школа развивается в условиях сосуществующих противоречивых тенденций: сохранения классического образа университета как социального института, производящего истинное научное знание; изменения социальной направленности университета как экономического агента на рынке образовательных услуг. Сегодня пока отсутствует иная институциональная форма, конкурирующая с университетом, однако это не исключает возможности изменения статуса/положения высшей школы в обществе, а также появления новых форм социальных предпочтений под воздействием социально-экономических и иных преобразований.

Очевидным становится тот факт, что университет существует в условиях переходного периода, обусловленный изменением формальных ограничений (законов, новых стандартов деятельности высшей школы) с сохранением «старых» неформальных ограничителей, которые, согласно Д. Нурту, «возникают из информации, передаваемой посредством социальных механизмов, и являются частью того наследия, которое мы называем культурой» [22, с. 58]. При этом формальные правила лежат лишь в основе неформальных ограничений, которые в свою очередь определяют в большей степени модели взаимодействия и поведения субъектов в обществе. В этой логике недостаточным условием становится внедрение новых правил и форм деятельности университета исключительно сверху. Естественным становится и то, что новая идентичность формируется как ответ на вызовы времени.

Однако понимание и принятие новой идентичности – это задачи не только самого университета, но и всех субъектов образовательной деятельности, некоторые из которых все еще отождествляют высшую школу и образование с их традиционной функцией с возможностью получить профессию. Но, что особенно интересно, сегодня университет развивается в условиях, когда, как замечает А. О. Карпов, образовательный институт способен быть культурной опорой локальных общин и глобальной транснациональной корпорации, может обслуживать сугубо экономическую конъюнктуру или формировать духовную плаценту общества, его познавательное отношение способно иметь в виду только

техническое подспорье жизни или быть настроено на радикальный поиск истины [20, с. 139]. Тогда справедливым становится и утверждение о том, что такая система есть социальный инструмент порождения культурного разнообразия, а не универсальной идентичности. Все это порождает мультипарадигмальность системы высшего образования, разобщенной по своей природе.

Однако, по мнению Д. Нурты, институциональные ограничения, которые определяют набор возможностей для индивида, являются сложным сочетанием формальных и неформальных ограничений, что образует взаимосвязанную систему и в различных комбинациях формирует набор альтернатив для различных контекстов. Это не только делает институты устойчивыми, но и предоставляет широкий набор альтернатив, из которых делается выбор [21, с. 92]. Однако в этой ситуации следует понимать, что при изменении формальных правил неформальные установки не меняются. Подобная ситуация создает конфликт между ограничениями, преодолеть который возможно лишь частично, реструктуризируя оба направления (изменения происходят с учетом предпочтений каждого из направлений), но и это осуществляется постепенно.

Безусловно, развитие системы высшего образования определяется институциональными характеристиками общества. В этой логике участниками процесса трансформации университета как социальной организации сегодня становятся государство, выражающее свои предпочтения через формальные институты посредством реформирования системы высшего образования, университет как самостоятельная организация, действующая в рамках наложенных сверху формальных ограничений и социальных ожиданий, а также социальные агенты, к которым относим индивидов – субъектов образовательного процесса, а также бизнес, действующий в сложившейся социальной реальности, предпочтения которого основываются на стремлении получить выгоду от возможных форм взаимодействия с организациями. В то же время бизнес функционирует в рамках формальных требований, которые также являются результатом деятельности государства. Отношения участников этого процесса имеют взаимосвязанный характер, основанный на противоречивых предпочтениях. Предпочтения же субъектов, получающих высшее образование, достаточно диверсифицированы, однако в целом можно сказать об относительной корреляции потребности в получении высшего образования с уровнем востребованности специалистов на рынке, отождествляя университет с его традиционными функциями.

Тогда получается, что на этом этапе развития российской высшей школы происходит конфликт

идентичностей, когда, с одной стороны, сверху привносятся новые образовательные стандарты, которые пусть и в несколько ином русле, но по большому счету касаются традиционной образовательной деятельности вузов, государственные установки, определяющие вектор социально-экономического развития, например программа «Развитие образования 2013–2020», с другой стороны, потребности бизнеса, чьи предпочтения не совпадают ни с интересами университета, ни потребителей образовательных услуг, для которых, как было отмечено выше, университет пока еще отождествляется со своей традиционной деятельностью. То есть происходит ситуация конфликта между формальными и неформальными ограничениями, которую и описывает Д. Норт. Культурный контекст, представленный неформальными установками, изменить под воздействием формальных трансформаций невозможно. Скорректировать систему требований при существующем «культурном разнообразии», о котором говорил А. О. Карпов, видится более реальным шагом на пути к необходимым институциональным изменениям и созданию условий для формирования новой идентичности университета. В конечном итоге это приведет и к изменению культурного контекста, а значит, не только государство и университеты будут формировать новую идентичность, но и иные субъекты социальной действительности эту новую идентичность начнут принимать, тем самым ее формируя.

Существует еще одна сложность, с которой невольно сталкивается вуз. При заимствовании западной модели предпринимательского университета либо университета 3.0 перед высшей школой стоит задача преодолеть изоморфизм, приняв свою новую сущность, заключенную в диверсификации деятельности, одно из направлений которой представляет собой деятельность по созданию и продвижению инноваций, созданных на своей площадке. Согласно модели университет здесь выступает не просто агентом, а именно актором научно-образовательной и инновационной деятельности. Традиционные виды деятельности с учетом вызовов времени выполняют служебные функции для достижения главной задачи – стать центром регионального развития. Сопутствующим условием становления в качестве актора научно-образовательной и инновационной деятельности выступают определенная степень «свободы» университета, заключенная в финансовой и административной самостоятельности, поскольку университет обладает способностью, согласно Д. Норту, индуцировать институциональные изменения. В российской практике созданы федеральные и национальные исследовательские университеты, которые отчасти такой ресурс имеют.

В стремлении государства вовлечь университет в создание экономики знаний нельзя забывать

еще об одном важном условии. Д. Норт приходит к выводам о том, что любые инновационные и технологические изменения обусловлены размером рынка [21, с. 100] при исключении такого фактора, как развитое патентное законодательство, система защиты прав собственности. Размер рынка или емкость рынка – экономическая категория, означающая общий спрос на категорию товара или услуги, связанной с покупательной способностью населения. Это дает основание предположить, что эффективное сотрудничество бизнеса и вуза возможно в случае, когда рынок потенциально будет тяготеть к максимальному уровню спроса на определенный товар. Согласно концепции университетов 3.0 вуз имеет целью стать хабом регионального развития, а также ключевым игроком построения инновационной экономики. А это значит, что при разработке региональных инвестиционных проектов, проектов, имеющих прикладное значение и реализуемых на университетских площадках, необходимо оценить возможности регионального рынка. Однако, обращаясь к данным Счетной палаты Российской Федерации (2018 г.) и опуская вопрос возможностей региональных рынков, можно отметить, что только зафиксированными ключевыми проблемами в системе высшего образования являются несовершенство нормативно-правового регулирования, отсутствие должного учета потребности рынка труда в специалистах и ежегодное сокращение расходов на модернизацию материально-технической базы вузов [22].

Идеология, которая у Норта выступает в качестве фактора институциональных изменений, а в нашем случае связана с целями и задачами, которые привносятся авторитарным способом сверху со стороны государства, поскольку развитие образования институционально обусловлено, тяготеет к признанию верховенства прикладного знания как ключевой функции высшего образования сегодня. Однако Д. Норт, опираясь на выводы Розенберга, приводит его тезис о том, что «чистое знание (в нашей интерпретации фундаментальное знание) – это условие существования прикладного знания, но развитие прикладных наук часто дает направления и ориентиры для теоретических исследований. Таким образом, прикладное знание выступает важным фактором развития «чистого знания» [21, с. 100]. Развитие фундаментального и прикладного знания имеет тенденцию к комплементарности, которая приобретает еще большее значение исходя из понимания несовершенства самого рынка, о котором говорит Д. Норт, и отсутствия гарантий инвестиций в человеческий капитал с целью роста физического капитала. То есть исключительно «рыночная ориентация» деятельности университета не выступает гарантией достижения тех задач, которые ставятся в рамках модели предпринимательского университета.

Возвращаясь к анализу условий институциональных изменений, в результате которых становится возможным обретение организацией (университетом) новой идентичности, следует привести еще один тезис Д. Норга о том, что если изменения неформальных ограничений, к которым мы относим привычки, обычаи, традиции общества, могут происходить в отсутствие какой-либо целенаправленной деятельности, то изменение формальных установок требует значительных затрат ресурсов [21, с. 113]. Как видим из практики, незначительная часть вузов потенциально располагает дополнительными ресурсами, что также не дает гарантии успеха их деятельности. В случае с большинством вузов страны процесс поиска дополнительных источников финансирования перекрывает сам процесс институциональных изменений, а те преобразования, которые уже произошли в вузе, скорее, носят изоморфный характер, нежели выступают действительным результатом институциональных изменений.

Выводы. Подводя итог, отметим, что неоинституционализм Д. Норга позволил сформулировать проблемы, которые необходимо учитывать или даже решать в условиях формирования новой идентич-

ности университета, опирающегося на институциональную перестройку. Отправной точкой для понимания ситуации должно быть осознание того, что в условиях несовершенного рынка и имеющихся дополнительных ресурсов как у государства, так и у вузов нет гарантий в достижении поставленных целей. Признать необходимо и то, что при уже существующих формальных изменениях неформальные ограничения создают конфликт идентичностей, возникших сегодня. Вуз – это генератор и транслятор знания, актор научно-образовательной деятельности, полноправный субъект рынка и т. п. Сохранение традиционных организационных основ университета усиливает этот конфликт, с одной стороны, но с точки зрения предпочтений иных субъектов образовательного процесса, к коим мы относим обучающихся, которые пока остаются традиционными в понимании ключевой деятельности университета, противоречат той идеологии, которая привносится сверху. С учетом всех существующих издержек и рисков процесс институциональных изменений носит инкрементный характер, что повлечет за собой постепенно и процесс формирования новой идентичности университета.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Thorp H., Goldstein B. Engines of Innovation: The Entrepreneurial University in the Twenty-First Century // Flexpub. URL: <https://flexpub.com/preview/engines-of-innovation> (дата обращения: 01.08.2021).
2. Кларк Б. Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации. Москва : ИД ГУ-ВШЭ, 2011. 240 с.
3. Барбаши М. Ю. Институты и идентичность: методологические возможности теории институционального распада в современных социальных исследованиях // Журнал социологии и социальной антропологии. 2014. Т. 17, № 4. С. 178–188.
4. Czarniawska B., Genell K. Gone shopping? Universities on their way to the market // Scandinavian Journal of Management. 2002. Vol. 18. P. 455–474.
5. Салми Дж. Создание университетов мирового класса. Москва : Весь мир, 2009. 132 с.
6. Bleiklie I. Organizing higher education in a knowledge society // Higher Education. 2005. № 49. P. 31–59.
7. Douglass J. A., King C. J., Feller I. Globalization's muse: universities and higher education systems in a changing world. Berkeley : Berkeley Public Policy Press, 2009. 407 p.
8. Heyneman S., Lee J. World-class universities: the sector requirements // Institutionalization of world-class university in global competition. Heidelberg, 2013. P. 45–54.
9. Зиневич О. В., Балмасова Т. А. «Третья миссия» и социальная вовлеченность университетов: к постановке проблемы // Власть. 2015. Т. 23, № 6. С. 67–72.
10. Зиневич О. В., Рузанкина Е. А. Университет как научный и социальный институт в современном российском обществе // Высшее образование в России. 2014. № 7. С. 37–43.
11. Майер Г. В. О критериях Исследовательского университета // Университетское управление: практика и анализ. 2003. № 3. С. 6–9.
12. Сорокина И. Предпринимательский университет (Шведский опыт) // Высшее образование в России. 2002. № 3. С. 89–92.
13. Clark B. The entrepreneurial university: new foundations for collegiality, autonomy, and achievement // Higher Education Management. 2001. Vol. 13, № 2. P. 9–25.
14. Виссема Й. Г. Университет третьего поколения. Москва : Олимп-Бизнес, 2016. 480 с.
15. Розмаинский И. В. Институционализм // Журнал институциональных исследований. 2010. Т. 2, № 4. С. 130–144.
16. Тюкавкин Н. М. Систематизация теоретических основ неоинституционализма // Вестник Самарского государственного университета. Экономика и управление. 2015. № 9/1. С. 209–216.
17. Павленко К. В. Оценка качества образования в вузе: неоинституциональный подход // Высшее образование в России. 2009. № 11. С. 132–137.

18. Берсиров Т. Б. Неоинституционализм как методология исследования эффективности управления высшим образованием // Гуманитарий Юга России. 2021. Т. 10, № 3. С. 45–54.

19. Вольчик В. В., Савко П. О., Кoryтцев М. А., Оганесян А. А., Маскаев А. И. Транзакционные издержки в высшем образовании в контексте организационных и институциональных изменений // Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики). 2018. Т. 9, № 3. С. 57–68.

20. Карпов А. О. Университет – от модерна к постмодерну // Общественные науки и современность. 2014. № 4. С. 132–141.

21. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. Москва: Фонд экон. книги «Начала», 1997. 190 с.

22. Отчет о работе Счетной палаты Российской Федерации. 2018 // Счетная палата Российской Федерации. URL: <https://ach.gov.ru/promo/annual-report-2018/index.html> (дата обращения: 20.09.2020).

REFERENCES

1. Thorp H., Goldstein B. Engines of innovation: the entrepreneurial university in the twenty-first century. *Flexpub*. URL: <https://flexpub.com/preview/engines-of-innovation> (accessed 01.08.2021).

2. Clark B. *Creation of entrepreneurial universities: organizational directions of transformation*. Moscow, Higher School of Economics, 2011, 240 p. (In Russ.).

3. Barbashin M. Yu. Institutions and identity: methodological possibilities of the theory of institutional decay in contemporary social research. *Journal of Sociology and Social Anthropology*, 2014, vol. 17, no. 4, pp. 178–188. (In Russ.).

4. Czarniawska B., Genell K. Gone shopping? Universities on their way to the market. *Scandinavian Journal of Management*, 2002, vol. 18, pp. 455–474.

5. Salmi J. *Building world-class universities*. Moscow, Whole world, 2009, 132 p. (In Russ.).

6. Bleiklie I. Organizing higher education in a knowledge society. *Higher education*, 2005, no. 49, pp. 31–59. (In Russ.).

7. Douglass J. A., King C. J., Feller I. *Globalization's muse: universities and higher education systems in a changing world*. Berkeley, Berkeley Public Policy Press, 2009, 407 p.

8. Heyneman S., Lee J. World-class universities: the sector requirements. *Institutionalization of World-Class University in Global Competition*. Heidelberg: Springer, 2013, pp. 45–54.

9. Zinevich O. V., Balmasova T. A. «The third mission» and the social involvement of universities: to the problem statement. *Power*, 2015, vol. 23, no. 6, pp. 67–72. (In Russ.).

10. Zinevich O. V., Ruzankina E. A. University as a scientific and social institution in modern Russian society. *Higher education in Russia*, 2014, no. 7, pp. 37–43. (In Russ.).

11. Mayer G. V. On the criteria of the research university. *University management: practice and analysis*, 2003, no. 3, pp. 6–9. (In Russ.).

12. Sorokina I. Entrepreneurial University (Swedish experience). *Higher education in Russia*, 2002, no. 3, pp. 89–92. (In Russ.).

13. Clark B. The entrepreneurial university: new foundations for collegiality, autonomy, and achievement. *Higher Education Management*, 2001, vol. 13, no. 2, pp. 9–25.

14. Wissema Y. G. *The third generation university*. Moscow, Olymp-Business, 2016, 480 p. (In Russ.).

15. Rozmainsky I. V. Institutionalism. *Journal of institutional research*, 2010, vol. 2, no. 4, pp. 130–144. (In Russ.).

16. Tyukavkin N. M. Systematization of the theoretical foundations of neoinstitutionalism. *Bulletin of Samara State University. Economics and management*, 2015, no. 9/1, pp. 209–216. (In Russ.).

17. Pavlenko K. V. Assessment of the quality of education at a university: a neoinstitutional approach. *Higher education in Russia*, 2009, no. 11, pp. 132–137. (In Russ.).

18. Bersirov T. B. Neoinstitutionalism as a methodology for studying the effectiveness of higher education management. *Humanitarian of the south of Russia*, 2021, vol. 10, no. 3, pp. 45–54. (In Russ.).

19. Volchik V. V., Savko P. O., Koryttsev M. A., Oganesyana A. A., Maskaev A. I. Transaction costs in higher education in the context of organizational and institutional changes. *Journal of economic regulation*, 2018, vol. 9, no. 3, pp. 57–68. (In Russ.).

20. Karpov A. O. University - from modern to postmodern. *Social sciences and modernity*, 2014, no. 4, pp. 132–141. (In Russ.).

21. North D. *Institutions, institutional change and economic performance*. Moscow, Fund for econ. book «Nachala», 1997, 190 p. (In Russ.).

22. Report on the work of the Accounts Chamber of the Russian Federation. 2018. *Accounts Chamber of the Russian Federation*. URL: <http://audit.gov.ru/upload/uf/ab1/ab1f999d9b80e687c9f554e7ba9dfb6b.pdf> (accessed 20.09.2020). (In Russ.).

Информация об авторе

Никитенко Елена Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры международных отношений и регионоведения, Новосибирский государственный технический университет (Россия, 630073, г. Новосибирск, пр-т К. Маркса, 20, e-mail: nikena@list.ru).

Статья поступила в редакцию 16.09.2021

После доработки 21.02.2022

Принята к публикации 25.02.2022

Information about the author

Elena V. Nikitenko – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of International Relations and Regional Studies, Novosibirsk State Technical University (20, K. Marx Ave., Russian Federation, 630073, Novosibirsk, e-mail: nikena@list.ru).

The paper was submitted 16.09.2021

Received after reworking 21.02.2022

Accepted for publication 25.02.2022